

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

ЧЕЛОВЕК: ОБРАЗ И СУЩНОСТЬ. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1990 года
Выходит 4 раза в год

**№ 3 (43)
2020**

Тема номера: Homo scribens:
Образ и саморефлексия автора
в европейской словесности

Учредитель:

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Центр гуманитарных научно-информационных исследований
ИНИОН РАН

Редакция

Главный редактор: Л.В. Скворцов – д-р филос. наук

Заместители главного редактора: Л.Р. Комалова – д-р филол. наук, Г.В. Хлебников – канд. филос. наук

Редакционная коллегия: В.З. Демьянков – д-р филол. наук (Россия, Москва); Х.В. Дзуцев – д-р социол. наук (Россия, Владикавказ); Ю.А. Кимелев – д-р филос. наук (Россия, Москва); И.В. Кондаков – д-р филос. наук (Россия, Москва); Т.Н. Красавченко – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.Е. Лепский – д-р психолог. наук (Россия, Москва); С.И. Масалова – д-р филос. наук (Россия, Ростов-на-Дону); А.Е. Махов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Л.И. Мозговой – д-р филос. наук (Украина, Славянск); А.В. Нагорная – д-р филол. наук (Россия, Москва); Н.Т. Пахсарьян – д-р филол. наук (Россия, Москва); Р.К. Потапова – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.В. Потапов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук (Россия, Москва); А.М. Гагинский – канд. филос. наук (Россия, Москва); Р.С. Гранин – канд. филос. наук (Россия, Москва); В.Н. Желязкова – д-р филологии (Болгария, София); И.В. Кангро – д-р филологии (Латвия, Рига); М.Ю. Коноваленко – канд. психолог. наук (Россия, Москва); О.В. Кулешова – канд. филол. наук (Россия, Москва); О.А. Матвейчев – канд. филос. наук (Россия, Москва); Е.М. Миронеско-Белова – д-р филологии (Испания, Гранада); П.-Л. Талавера-Ибарра – д-р филологии (США, Остин); Чж. Цзыли – канд. пед. наук (Китай, Шанхай); Е.А. Цурганова – канд. филол. наук (Россия, Москва)

Ответственный редактор номера: Е.В. Лозинская

Ответственный секретарь: С.С. Сергеев

Журнал «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–72547

ISSN 1728-9319

DOI: 10.31249/chel/2020.03.00

© «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», журнал, 2020

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук», 2020

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
for Social Sciences

HUMAN BEING: IMAGE AND ESSENCE. HUMANITARIAN ASPECTS

SCHOLARLY JOURNAL

Published since 1990
4 issues per year

**№ 3 (43)
2020**

Theme of the issue:
Homo scribens:
Author's image and self-reflection
in the European literature

Founder:
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences, Centre of Humanitarian Scientific
and Informational Researches

Editorials

Editor-in-chief: Lev Skvortsov – DSc in Philosophy

Deputy editors-in-chief: Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology;
Georgiy Khlebnikov – PhD in Philosophy

Editorial board: Valery Demyankov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Hassan Dzutsev – Doctor of Science in Sociology (Russia, Vladikavkaz); Yuriy Kimelev – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Igor Kondakov – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Tatiana Krasavchenko – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vladimir Lepsky – Doctor of Science in Psychology (Russia, Moscow); Svetlana Masalova – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Rostov-on-Don); Aleksandr Makhov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Leonid Mozgovoy – Doctor of Science in Philosophy (Ukraine, Slavyansk); Alexandra Nagornaya – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Nataliya Pakhsariyan – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Rodmonga Potapova – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vsevolod Potapov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Emma Jakovleva – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Alexej Gaginsky – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Roman Granin – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Veselka Zhelyazkova – PhD in Philology (Bulgaria, Sofia); Ilze Kangro – PhD in Philology (Latvia, Riga); Marina Konovalenko – PhD in Psychology (Russia, Moscow); Olga Kuleshova – PhD in Philology (Russia, Moscow); Oleg Matveichev – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Elena Mironesko-Bielova – PhD in Philology (Spain, Granada); Pablo-Leonardo Talavera Ibarra – PhD in Philosophy (USA, Austin); Zhang Zi-Li – PhD in Pedagogical Science (China, Shanghai); Elena Tsurganova – PhD in Philology (Russia, Moscow).

Issue editor: Eugenia Lozinskaya

Executive secretary: Sergey Sergeev

Journal «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects»
is indexed in the Russian Science Citation Index

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications,
information technology, and mass media, certificat: ПИ № ФС 77–72547

ISSN 1728-9319

DOI: 10.31249/chel/2020.03.00

© «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects», journal, 2020

© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты в поэтиках	9
<i>Махов А.Е.</i> Проблема подражания образцам в поэтологии французского классицизма.....	9
Творческий метод как образ мышления	27
<i>Котелевская В.В.</i> О повествовательном мышлении Томаса Бернхарда: «Вечное возвращение» и полифоническое письмо	27
<i>Раренко М.Б.</i> «Поворот винта»: Генри Джеймс как писатель и как критик	55
Писатель в тексте	68
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> ИмPLICITный автор и имPLICITный читатель в романе рококо	68
<i>Зусман В.Г., Милова А.И.</i> «Человек пишущий» и «человек творящий» в прозе А.П. Чехова 1880–1888 гг.	83
<i>Амирян Т.Н.</i> Даниэль Пеннак: от детективов к автофикциональному роману.....	98

Писатель и его читатели: Парадоксы коммуникации 119

Соколова Е.В. Осцилляция образа: СМИ и В.Г. Зебальд о
Писателе (у) П. Хандке..... 119

Асписова О.С. «Весь этот Гёте»: Культ и антикульт 144

Рецензии 170

Жулькова К.А. Автор и герой: Проблема идентификации.
Рецензия на книгу: Лекманов О., Свердлов М.,
Симановский И. Венедикт Ерофеев: Посторонний 170

CONTENTS

Poets in the poetical treatises.....	9
<i>Makhov A.E.</i> The problem of imitating models in the poetology of French classicism.....	9
Creative method as way of thinking	27
<i>Kotelevskaya V.V.</i> On Thomas Bernhard's narrative thinking: «Eternal return» and a polyphonic writing.....	27
<i>Rarenko M.B.</i> The Turn of the Screw: Henry James as an author and a critic	55
The writer within the text.....	68
<i>Pakhsarian N.T.</i> Implied author and implied reader in rococo novel.....	68
<i>Zusman V., Milova A.</i> «Writing person» vs «creative person» in A.P. Chekhov's prose works of 1880–1888.....	83
<i>Amiryan T.N.</i> Daniel Pennac: From detective to autofiction.....	98
The writer and his readers: Paradoxes of communication.....	119
<i>Sokolova E.V.</i> Oscillation of the image: Images of “Writer” (by) Peter Handke in mass media and in W.G. Sebald's Essays	119
<i>Aspisova O.S.</i> All this Goethe: Cult and anticult	144

Reviews.....	170
---------------------	------------

<i>Zhulkova K.A.</i> Author and the character: The identification problem (Book review: Lekmanov O., Sverdlov M., Simanovsky I. Venedikt Erofeev: The Outsider).....	170
--	-----

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ЧИТАТЕЛИ: ПАРАДОКСЫ КОММУНИКАЦИИ

УДК: 821.112.2

DOI: 10.31249/chel/2020.03.08

Соколова Е.В.

ОСЦИЛЛЯЦИЯ ОБРАЗА:

СМИ И В.Г. ЗЕБАЛЬД О ПИСАТЕЛЕ (У) П. ХАНДКЕ

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, lizak2000@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется восприятие фигуры лауреата Нобелевской премии по литературе 2019 г. австрийского писателя Петера Хандке (р. 1942) внутри немецкоязычной культуры (в рамках «литературного» и «журналистского» дискурсов) на фоне собственного понимания им писательской миссии, ее задач, идеалов и сложностей. Писательство как способ проживания тотальности «нарушенной коммуникации» («verhinderte Kommunikation») в окружающем мире остается сквозной темой его творчества: от знаменитого «Страха вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970) через «Медленное возвращение домой» (1979) к «Повторению» (1986), «Вечеру писателя» (1987), текстам последних лет. Наряду с произведениями Петера Хандке материалом для настоящего исследования служат три эссе о его творчестве В.Г. Зебальда (1944–2001), немецкого писателя и литературоведа, которому обозначенная тематика не менее близка (особенно в контексте традиции австрийского «языкового скепсиса» и философии Л. Витгенштейна), а также – статьи в немецкой прессе за октябрь 2019 г., представляющие реакцию немецкой «культурной общественности» как на присуждение П. Хандке Нобелевской премии, так и на последовавшие за этим событием жаркие баталии в СМИ.

Ключевые слова: образ писателя в литературе; образ писателя в СМИ; современная немецкоязычная литература; современная литература Австрии; нарушенная коммуникация; языковой скептицизм; Нобелевская премия по литературе; Петер Хандке; В.Г. Зебальд.

Поступила: 15.04.2020

Принята к печати: 20.05.2020

Sokolova E.V.**Oscillation of the image: images of “Writer” (by)
Peter Handke in mass media and in W.G. Sebald’s essays***Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
lizak2000@mail.ru*

Abstract. This article investigates reception of the figure of Austrian writer Peter Handke (b. 1942), the Nobel Prize winner in Literature in 2019, within discourses of actual German culture (in «literary» and «mass media» contexts) in parallel with his own understanding of the Writer’s Mission, its aims, ideals, and complications. Being a Writer as a way to get through the totality of «invalid communication» («verhinderte Kommunikation») is the most important topic of Handke’s own literary creation: beginning with «The Goalie’s Anxiety at the Penalty Kick» (1970), «Slow Homecoming» (1979), «Repetition» (1986), «The afternoon of a writer» (1987) and progressing in his later texts. Besides the works of Peter Handke, the present paper analyzes three essays on his work written by a world famous German writer and literary scholar W.G. Sebald (1944–2001), who took close to his heart the described topic as well (especially the tradition of Linguistic Scepticism going back to the ideas of Ludwig Wittgenstein). The paper also considers a number of publications in the German press in October 2019 dealing with Peter Handke being awarded the Nobel Prize and the heated debate that followed.

Keywords: Writer in literature; Writer in mass media; modern German literature; modern Austrian literature; “invalid communication”; linguistic skepticism; Nobel Prize in Literature; Peter Handke; W.G. Sebald.

Received: 15.04.2020

Accepted: 20.05.2020

10 декабря 2019 г. в Стокгольме присужденную ему Нобелевскую премию по литературе принял из рук короля Швеции Карла XVI Густава австрийский писатель Петер Хандке (р. 1942) – «несмотря на протест Албании, Косово и Турции», как передало тогда же информационное агентство Regnum¹. Иными словами, событие сопровождалось скандалом международного масштаба.

Правда, в последние годы едва ли не каждое очередное объявление лауреата Нобелевской премии в области литературы связано со скандалом. В 2018 г., например, премия не вручалась вовсе из-за обвинений в сексуальных домогательствах «человека, близкого к Нобелевской премии» [Визель, Прохорова, 2018], а лауреат

¹ <https://regnum.ru/news/polit/2803967.html>

2018 г. был объявлен только в 2019 г.¹ И если в 2017 г. громких скандалов удалось избежать, поскольку премию вполне ожидаемо, и к тому же политкорректно, вручили британскому писателю японского происхождения Кадзуо Исигуро, то в 2016 г. ее присудили даже и не писателю, а исполнителю и автору песен Бобу Дилану, вызвав, конечно, бурное недоумение в среде приверженцев «высокой литературы».

Так что же, в ситуации с Петером Хандке нет ничего особенного? Просто, как это часто бывает, признание заслуг одного вызвало бурю эмоций в «культурной среде», которую он представляет и которой принадлежит? Причем эмоций, поднявших со дна коллективной памяти все политические грехи и публичные промахи нынешнего избранника, – что тоже вполне ожидаемо...

И все же особенность есть. Дело в том, что на этот раз в центре всего сюжета угадывается один связующий мотив, единая тема, удивительным образом согласующаяся со сквозной темой творчества отмеченного премией Петера Хандке. Речь идет о «нарушенной коммуникации» («verhinderte Kommunikation») [Sebald, 1994, S. 117]), пронизывающей его тексты и, можно даже сказать, организующей их структурно и стилистически, что хорошо видно читателю, начиная уже со знаменитой, относительно ранней, повести «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970). «В сущности, *все* более или менее немые²» – произносит там школьный сторож [Хандке, 2000, с. 100], и это ключ ко всему повествованию. *Все*, а не только протагонист Йозеф Блох, который только тем и занят, что мучительно подбирает слова: «Он должен был следить за собой, чтобы среди фразы не запнуться» [там же, с. 66]; «Если быть внимательным и при этом стараться себе что-то представить, одно слово все еще послушно порождало другое» [там же, с. 79]. В то же время он охвачен яростным протестом против коммуникативных промахов других людей: один из подобных промахов стоит жизни его случайной знакомой, кассирше из кино-театра, которую он убил в самом начале повествования.

¹ Лауреатом Нобелевской премии по литературе 2018 г. стала польская писательница Ольга Токарчук (р. 1957).

² В оригинале речь идет о той самой «нарушенной коммуникации» – «verhinderte Kommunikation». Курсив мой. – Е. С.

Как бы то ни было, присуждение Нобелевской премии автору текстов сложных, «пронизанных тонким пониманием искусства и истинной восприимчивостью» [Sebald, 1995, S. 162] предсказуемым образом выплеснуло на страницы газет и журналов все прошлые претензии к Петеру Хандке, которых всегда было много и ядро которых на протяжении почти уже четверти века составляют обвинения в выборе «неприемлемой» позиции в югославском конфликте 1990-х годов: в чрезмерных симпатиях к Сербии, поддержке диктатора (Слободана Милошевича), контактах с сербскими боевыми командирами.

Авторов «первой волны» публикаций в немецких СМИ о присуждении Нобелевской премии Петеру Хандке волнуют в первую очередь два вопроса. Во-первых, этично ли в принципе присуждать Нобелевскую премию писателю, который когда-либо в прошлом был замечен в поддержке разного рода ультраправых (националистических, религиозных, профашистских) политических течений, организаций или их лидеров. И во-вторых, насколько такая постановка вопроса оправдана в отношении реальной фигуры Петера Хандке. Иными словами, действительно ли и в какой степени поддерживал он Слободана Милошевича, что именно писал (или не писал) о югославских событиях, и в чем его, собственно, полагается обвинять? Впрочем, последними вопросами журналисты и критики начинают задаваться только неделю спустя — уже после «благодарственной» речи сербско-боснийского писателя Саша Станишича (р. 1978) на Франкфуртской книжной ярмарке (о которой ниже), а поначалу ищут ответ преимущественно на первый вопрос и находят, как правило, негативный [Klaube, 2019].

Новый нобелиат Петер Хандке (р. 1942) родился во время Второй мировой войны в Австрии (с 1938 г. «присоединенной» уже гитлеровской Германией), в Федеральной земле Каринтия — в «стране границ» (И. Бахман), не только географических, но и межъязыковых. На западе Каринтия граничит с Тиролем, регионом очень своеобразным, на северо-востоке — с немецкой Штирией, на юге и юго-востоке — с Италией и Словенией. Значительную часть населения Каринтии составляют славянские народы. Славянские влияния там традиционно сильны, нередки смешанные браки. Так, мать писателя была дочерью крестьянина словенского происхождения, «первого владельца хоть какого-то недвижимого имущества в длинном ряду неимущих и, следовательно, бесправных» [Ханд-

ке, 2000, с. 336] чужаков среди говорящего по-немецки «коренного населения». Отцом его стал немецкий банковский клерк, в которого мать была влюблена, но никогда не была за ним замужем; отчимом – другой этнический немец, солдат вермахта, позднее – водитель трамвая, склонный к алкоголизму и домашнему насилию. Самоубийство матери в возрасте около 50 лет, ее изломанную судьбу, – изломанную не войной, а именно тогдашними нравами, традиционным восприятием женщины и «женской доли» на малой родине писателя, толкнувшим «оступившуюся» молодую женщину на брак с чужим и неприятным ей человеком, – писатель изобразил в одном из самых известных и наиболее пронзительных литературных текстов «Нет желаний – нет счастья» (1971) [Хандке, 2000, с. 329–407].

А дебютировал он как писатель и драматург еще раньше, в 1964 г., и достаточно громко: романом «Шершни» и пьесой «Оскорбление публики», носившей ярко выраженный эпатажный характер. В 1967 г. появилась новая пьеса – «Каспар». После неоавангардистских исканий самых первых его работ, в 1970-е годы во многих его текстах ощущается своеобразное движение в сторону реализма, хотя и с психологическим уклоном. Таковы последовавшие за знаменитым «психолингвистическим», по выражению В.Г. Зебальда [Sebald, 1994, S. 121], текстом «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970) повести «Нет желаний – нет счастья» (1971) и «Короткое письмо к долгому прощанию» (1972), сосредоточенные на проблеме одиночества человека в обществе. Потом были «Женщина-левша» (1976), «История детства» (1981), «История карандаша» (1982), «Повторение» (1986), «Опыт познания усталости» (1989), «Медленно в тени» (1992), «Мой год в ничейной бухте» (1994) и многие другие. С 1969 г. началось многолетнее сотрудничество Петера Хандке с кинорежиссером Вимом Вендерсом, снявшим по его сценариям фильмы «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» (1971), «Ложное движение» (1975), «Небо над Берлином» (1987), а в 1990-е годы писатель и сам пробовал силы в качестве режиссера – фильмы «Отсутствие» (1992), «Женщина-левша» (1994).

В середине 1990-х годов Петер Хандке лично посетил Балканы, чтобы составить собственное мнение о ситуации в Югославии (мотивировав это тем, что картина, представляемая политическими обозревателями в газетах Европы и США, кажется ему

однобокой). Свои впечатления и размышления он выразил в шумевшем «Зимнем путешествии к рекам Дунай, Сава, Морава и Дрина, или Справедливость к Сербии» [Handke, 1996 a], которое было впервые опубликовано как репортаж с продолжением в двух выпусках газеты «Зюддойче цайтунг», и только потом издано отдельной книгой. В дальнейшем этот текст (как и последовавшее за ним «разъяснение» – «Летнее дополнение к зимнему путешествию» [Handke, 1996 b]) снова и снова по разным поводам (как правило, в связи с присуждением Петеру Хандке очередных литературных премий), вызывал острую реакцию европейской общественности. Очередная буря в прессе разразилась после того, как Хандке съездил на похороны Слободана Милошевича в 2006 г. и выступил на них с речью.

Однако, как отмечает в недавнем интервью специалист по современной австрийской литературе А.В. Белобратов (СПбГУ), настоящим поклонником Милошевича Хандке не был: «Он говорил о том, что вина лежит на очень многих людях, на очень разных сторонах, – вот это его основная идея была. Главное для него – этот край, это пространство, это сошествие к корням, к своему прошлому или к прошлому той его части, которая связана с Каринтией, со славянскими корнями. Эти тексты сделаны интересно. Вообще Хандке создал колоссальный материал, под сотню книг» [Белобратов, Волчек, 2019].

Его кропотливая литературная работа на протяжении более полувека и была в 2019 г. удостоена Нобелевской премии, о чем последовало официальное объявление 10 октября 2019 г. И поначалу немецкоязычный литературный мир отреагировал со странной смесью привычного возмущения и определенного воодушевления – не каждый год все-таки эту премию получает немецкоязычный писатель. Но относительное затишье длилось недолго: до 17-го октября.

Типичную реакцию прессы «первой волны» отражает публикация Й. Клаубе на первой полосе «Франкфуртер альгемайне цайтунг» [Klaube, 2019] с незатейливым заголовком «Хандке», довольно точно передающим пренебрежительное отношение к новому нобелевскому лауреату.

Порассуждав о том, что такое сегодня Нобелевская премия по литературе, Й. Клаубе приходит к выводу, что единственная ее функция в наши дни – способствовать всемирной славе лауреата и,

следовательно, быстрому распространению по всему миру написанного им.

Так что же теперь будет повсюду распространяться? – вопрошает он [Klaube, 2019, S. 1], напуганный перспективой распространения по всему миру неприемлемых политических воззрений писателя. Но, взяв себя в руки, честно старается успокоить себя самого и своего перепуганного читателя длинным перечнем «опасных» лауреатов прошлого, включающим убежденного сторонника колониализма Редьярда Киплинга (1907), сооснователя «Общества расовой гигиены» Герхарда Гауптмана (1912), приверженца евгеники Джорджа Бернарда Шоу (1925), Томаса Манна (1929) и Анри Бергсона (1927), с энтузиазмом встретивших начало Первой мировой войны, Т.С. Элиота (1948), одобрявшего действия фашистов во Франции, Михаила Шолохова (1965), поддерживавшего Сталина, и Гарсиа Маркеса (1982), симпатизировавшего Кастро. Поскольку ни «Пигмалион» (Дж. Б. Шоу) и «Будденброки» (Т. Манн), ни «Материя и память» (А. Бергсон) и «Пустая земля» (Т.С. Элиот), ни даже «Сто лет одиночества» (Г.Г. Маркес) никакого особенного вреда миру как будто не нанесли, Й. Клаубе, немного успокоившись, задается резонным вопросом: «Как вообще нам приходит в голову, – спрашивает он, – что писатель должен быть непременно приятным человеком, его жизнь – образцовой, а его взгляды – не вызывающими возражений?» [ibid., S. 1]. Казалось бы, после этого следует ожидать, что и нынешнему лауреату, Петеру Хандке, будет позволено высказываться иногда полемически и вести себя временами вызывающе. Но не тут-то было – слишком «страшной силой» представляется Й. Клаубе искусство: «Воспользовавшись тем, что к автору повести “Нет желаний – нет счастья”, переводчику “Прометея прикованного”, автору сценария фильма “Небо над Берлином” непременно прислушаются», Хандке, по его убеждению, «ненадлежащим образом» использовал «созданное им же самим пространство», наводнив его «глупыми словами», каждое из которых, конечно, «к нему вернется», – скорбно пророчит автор статьи [ibid., S. 1].

«Вторая волна» публикаций о Хандке в немецких СМИ поднялась в ответ на скандальную «благодарственную» речь писателя сербско-боснийского происхождения Саши Станишича (р. 1978) в связи с присуждением ему престижной «Немецкой книжной пре-

мии», ежегодно вручаемой одному немецкоязычному писателю в рамках Франкфуртской книжной ярмарки.

Как сообщает редакционная статья в «Шпигеле» [Mann gegen Mann, 2019], 17 октября после объявления лауреата Станишич вышел на сцену – и «вместо традиционной благодарственной речи ринулся в атаку: “Я потрясен, что за такое дают премию!”. Под “таким” он подразумевал произведения Петера Хандке. Вся его речь звучала как обвинение в адрес последнего». «Чтобы один лауреат нападал на другого лауреата, да еще в таком тоне?» [ibid., S. 114] – удивляются редакторы отдела культуры «Шпигеля» и начинают разбираться. И в целом публикации «второй волны», по крайней мере, в авторитетных изданиях, обнаруживают большую склонность к анализирующей объективации и другой уровень владения материалом, хотя по-прежнему исходят из «вины Хандке».

Поскольку скандальная речь Станишича прозвучала непосредственно на Франкфуртской книжной ярмарке (главном литературном событии года), «культурная индустрия» и СМИ отреагировали мгновенно и бурно: с 17 октября все, кто имел хоть малейшее отношение к литературе в Германии, получили беспроигрышную тему для обсуждения, продолжавшегося несколько недель. Журналисты разных изданий, воспользовавшись преимуществами Книжной ярмарки, нашли возможность побеседовать со всеми заметными персонажами литературной жизни Германии, буквально заставив их высказаться. Лишь немногие сумели высказаться осторожно – в том смысле примерно, что лично они категорически против присуждения (или не присуждения) премий по политическим мотивам (О. Руге, Н. Боссон), зато многие другие с готовностью заявили, что в мире есть куда более достойные кандидаты на Нобелевку, чем нынешний лауреат. Среди тех немногих, кто не рукоплескал речи Станишича, оказался издатель Йохен Юнг, подчеркнувший, что «нам свойственно думать, что мы все знаем, и судить, исходя из этого», «в то время как именно Петер Хандке учит смотреть на действительность каждый раз новым, незамутненным, взглядом, и находить для нее все новые и новые слова» [цит. по: Mann gegen Mann, 2019, S. 114].

Правда, на этот раз слишком очевидно поспешная и часто некомпетентная реакция СМИ на новый информационный повод подтолкнула некоторые издания – в частности, журнал «Шпигель» [Mann gegen Mann, 2019; Hammelehle, Markwaldt, 2019], берлин-

ский еженедельник «Дер Фрайтаг» [Gladić, 2019, S. 16] – к более скрупулезному прояснению обстоятельств, более внимательному анализу «сказанного» и «не сказанного» Хандке в действительности о боснийских событиях, более тщательному разделению фактической и эмоциональной составляющих происходящего.

Что касается чрезмерно острой, по-прежнему, реакции европейской общественности на темы, связанные с войной на Балканах, то интересно, что авторы «Шпигеля» склонны видеть здесь одну из особенно чувствительных «точек самосознания» [Mann gegen Mann, 2019, S. 117] нынешнего Запада: именно тогда оформлялась и закреплялась «морально-политическая линия», которая и сегодня продолжает определять внешнюю политику Запада и которая с некоторых пор оказалась «под подозрением» – после Сирии, после Трампа. И под «плетением слов» вокруг Хандке, по их мнению, может скрываться потребность обсуждать возможности отступления [ibid.].

В своем наиболее часто упоминаемом «югославском» тексте «Зимнее путешествие...», как и в последовавшем за ним «Летнем дополнении...», Петер Хандке во многом сам затеял полемику со СМИ (как дискурсом). Он хотел показать, что те, кого журналисты называют «хорошими», тоже не «хороши». И ответной реакцией многих интеллектуалов тогда (и теперь) оказалось стремление сделать «плохим» самого Хандке, что, по мнению авторов статьи [Mann gegen Mann, 2019], несложно, поскольку прочесть более 600 страниц, написанных им о войне в Югославии, – уже непросто, а составить в результате собственное мнение – еще сложнее. Гораздо проще перейти по ссылке и присоединиться к однозначному (о)суждению большинства, упуская из виду, что «Хандке, автор сомневающийся и стремящийся к точности, обстоятельно на многих страницах анализирует собственные сомнения, а одним из его любимых стилистических приемов остается вопрос» [ibid., S. 117].

В нашуевшей речи Саша Станишич утверждал, что Хандке отрицает «геноцид» – преступления в Вишеграде. Якобы цитируя Хандке и одновременно с ним споря, он тогда сказал: «Милиция, которая, “босиком не могла совершить этих преступлений”, эти преступления совершила» [Mann gegen Mann, 2019]¹. Однако, как

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иначе, перевод цитат из иноязычных источников мой. – Е. С.

устанавливают авторы статьи, Хандке ничего подобного не утверждал. На прямой вопрос о «цитате» Саша Станишич по электронной почте ответил редакторам «Шпигеля», что это была не цитата, а «парафраз того, что написал Хандке» [Mann gegen Mann, 2019]. И позднее, для печатной версии во «Франкфуртер Альгемайне цайтунг» изменил фразу. Однако к тому моменту речь была показана по телевидению, и фраза, причем отнюдь не как «парафраз», прозвучала на широкую аудиторию, а многие СМИ перепечатали ее как цитату из Хандке.

Происхождение еще более острой «цитаты», мгновенно растиражированной СМИ и однозначно уже превратившей Хандке в «чудовище» в восприятии гуманистически настроенного читателя, с упорством и изобретательностью хороших детективов расследуют другие авторы «Шпигеля» С. Хаммелейле и Н. Марквальдт [Hammelehle, Markwaldt, 2019, S. 116]. В истоках совершенно чудовищного высказывания они обнаружили вполне безвредный ответ писателя на авторском вечере оппоненту, упрекнувшему его в «чрезмерной озабоченности по поводу Сербии» в пресловутом «Зимнем путешествии...». И вправду грубоватый по форме ответ Хандке имел целью подчеркнуть, что «озабоченность» – совершенно неподходящее название для тех чувств, которые лежат в основе его репортажа из бывшей Югославии.

30 октября в берлинском еженедельнике «Дер Фрайтаг» появился материал Младена Гладича [Gladić, 2019, S. 16], где впервые дан вдумчивый обзор всех «югославских текстов» Петера Хандке (всего их 6) и самых острых приписываемых ему высказываний. Так, в случае «босоногой милиции» из «парафазы» С. Станишича в реальном тексте «Летнего дополнения...» имела место попытка переосмыслить сообщение американского военного корреспондента Криса Хеджеса из «Нью-Йорк таймс» о «босоногом чудовище» – начальнике сербской милиции в Вишеграде. Она принимает у Хандке форму вопроса: «Неужели весь город целиком стал площадкой для нескольких босоногих игроков в кошки-мышки и сотни их жертв?» [цит. по: Gladić, 2019, S. 16].

М. Гладич нашел большинство прозвучавших публично цитат (и «цитат») из Хандке и показал, что сомневающийся рассказчик «Зимнего путешествия...» как раз потому и отправился в путь, что не мог не замечать односторонности и фальши в сообщениях прессы о балканских событиях. Самим этим действием рассказчик

Хандке (практически не отделимый от писателя) ставит под сомнение журналистский подход как таковой, параллельно (в собственном тексте) исследуя возможности подхода противоположного – писать «из состояния сомнения», «постоянно сомневаясь во всем» [Gladić, 2019, S. 16].

Любопытно, что на 30 или даже 40 лет раньше подход Петера Хандке к письму «из состояния сомнения» как особому способу жить в мире «искаженной коммуникации» [Соколова, 2008, с. 63–75] исследовал другой немецкоязычный писатель и одновременно профессор германистики из Университета Восточной Англии В.Г. Зебальд (1944–2001), ныне причисляемый к наиболее значимым фигурам европейской словесности 1990-х годов [Saturn's moon, 2011].

О своем австрийском коллеге В.Г. Зебальд писал несколько раз. Самым первым стало эссе о пьесе «Каспар» (1967) молодого, но уже эпатажного, чтобы не сказать скандального, австрийского писателя. Впервые оно было опубликовано в журнале «Литература и критика» (Literatur und Kritik) в 1975 г., впоследствии под названием «Странность, интеграция, кризис: Пьеса Петера Хандке “Каспар”» вошло в посмертный сборник литературоведческой эссеистики «Campo Santo» [Sebald, 2006].

Далее, в книге эссе об австрийской литературе «Описание несчастья: Об австрийской литературе. От Шифтера до Хандке» [Sebald, 1994], вышедшей впервые в 1985 г., Хандке посвящены два текста: написанный в 1983 г. «Под зеркалом воды» («Unterm Spiegel des Wassers – Peter Handkes Erzählung von der Angst der Tormann») [ibid., S. 115–130] – о «Страхе вратаря перед одиннадцатиметровым» и «Образы светлые и темные. О диалектике эсхатологии у Штифтера и Хандке» («Helle Bilder und dunkle – Zur Dialektik der Eschatologie bei Stifter und Handke») [ibid., S. 161–186], где рассмотрены «Медленное возвращение домой» (1979) и «Учение горы Сент-Виктуар» (1980). К тому же, как видно из расширенного названия сборника [Sebald, 1994], Хандке наряду с Адальбертом Штифтером (1805–1868) остается «опорной точкой», с которой Зебальд соотносит другие рассматриваемые им тексты австрийской литературы.

И наконец, роману «Повторение» (1986) посвящено эссе «По ту сторону границы...» («Jenseits der Grenze – Peter Handkes Erzählung Die Wiederholung») [Sebald, 1995, S. 162–178], включен-

ное во второй сборник эссе об австрийской литературе – «Отечество зловещее» [Sebald, 1995], изданный впервые в 1991 г.

Особую значимость Хандке для В.Г. Зебальда убедительно подтверждает и список книг, входивших в его личную библиотеку, составленный Джо Кетлинг и опубликованный в «справочнике» по творчеству В.Г. Зебальда [Saturn's moon, 2011]: в списке 19 книг самого Хандке и одно исследование о нем. Заметно полнее из соотечественников представлены только Гёте и Томас Манн.

В.Г. Зебальда интересует прежде всего художественный стиль Петера Хандке как следствие отношения к коммуникативным возможностям языка, к писательству как способу существования в мире. В «нарушенной коммуникации» («verhinderte Kommunikation» [Sebald, 1994, S. 117]) он видит центр художественного мира Хандке, из которого произрастает необычная, странно многословная, увязывающая в подробности писательская манера. Не уверенные ни в чем, рассказчики Хандке как будто все время подбирают слова и одновременно внимательно следят за тем, как они это делают, чтобы потом вдруг взорваться от непереносимости очередной неудачи (невозможности адекватно выразить словами ощущение момента) и разом перейти ту или иную «границу»: моральную, юридическую, географическую. Но не это удивляет В.Г. Зебальда больше всего. Мучительные и нередко безуспешные поиски точного слова хорошо знакомы ему самому, как и многим другим писателям. Восхищают его и одновременно приводят в изумление в первую очередь необъяснимые удачи Петера Хандке на полном скрытых опасностей минном поле словесного самовыражения.

В «выдающемся» [Mitchelmore, 2013] эссе о «Повторении» по-академически сдержанный в оценках В.Г. Зебальд недвусмысленно выражает восхищение писательским мастерством австрийского коллеги. Стремление «отдать должное некоторым особенностям “Повторения”», оказавшим «неослабевающее воздействие» [Sebald, 1995, S. 164] еще при первом прочтении в 1986 г., он называет главным стимулом к написанию своего текста. Хандке удалось «прекраснее, чем где бы то ни было» выразить словами «столь характерную для художественной литературы» связь «между тяжестью принудительного труда и легкостью волшебства» [Ibid., S. 177], а эпизод с официантом, занимающий чуть более трех страниц, по его мнению, следует причислить к «самым прекрасным текстам немецкоязычной литературы последних десяти-

лений» [Sebald, 1995, S. 171]. И это стало реальностью благодаря «поразительной осмотрительности и точности в выборе слов» [ibid., S. 178].

Примечательно, что свое эссе, написанное еще в 1990 г., т.е. задолго до оформления пресловутого «взаимонепонимания» Петера Хандке со средствами массовой информации и европейской культурной общественностью по югославским вопросам, В.Г. Зебальд начинает с исследования его «проблемных» (уже к тому моменту) отношений с критикой и «книжной индустрией». И возникшие сложности связывает со способом мышления писателя, его отношением к слову, стилистическими особенностями повествования.

«Мало кто из писателей в последние десятилетия демонстрирует принципиальный разлад между культурой как сферой жизни и культурой как индустрией убедительнее, чем Петер Хандке» [ibid. S. 162], – констатировал В.Г. Зебальд еще в 1990 г. Но «взаимонепонимание» сложилось не сразу: в 1970-е годы критика принимала Хандке с энтузиазмом, способствовала быстрому включению его текстов в «канон» немецкоязычной словесности, поскольку «разработанный им специфический способ повествования подкупал совершенно новой точностью образа и языка» [ibid.]. Огромный успех ранних произведений Хандке у журналистов и критиков В.Г. Зебальд объясняет тем, что в социально-политической атмосфере после 1968 г. критики «были готовы и оказались в состоянии понять» то, о чем он писал, к тому же «беглого знакомства с его текстами было достаточно, чтобы формулировать и высказывать прогрессивные и выигрышные суждения, ощущая себя на гребне волны» [ibid.]. По тем же причинам, считает он, ранние вещи Хандке хорошо принимались академическим литературоведением: «В кратчайшие сроки были написаны многочисленные¹ статьи и монографии: тексты Хандке целенаправленно вплетались в литературный канон» [ibid.].

Проблемы с рецепцией Хандке внутри «культурной индустрии» В.Г. Зебальд склонен отсчитывать от «Короткого письма к долгому прощанию» (1972), замысел которого, по сравнению с предыдущими текстами, «...гораздо сложнее, с трудом облекается

¹ В примечаниях к тексту Зебальд сообщает, что список научной литературы о творчестве Петера Хандке уже к 1982 г. включал более 200 наименований [Sebald, 1995, S. 192].

в слова», иначе согласуется с миром и «оставляет гораздо меньше выигрышных ракурсов для критики и литературоведения» [Sebald, 1995, S. 163]. Сильнее всего озадачил критиков «его новый, можно сказать, программный проект – исключительно силой слова сделать зримым некий более прекрасный мир» [ibid.]. Намеренно или нет, отмечает Зебальд, Хандке заплатил высокую цену за «самонадеянность», и это дает основания полагать, что писательство как род человеческой деятельности в его личной иерархии ценностей занимает особое место, далеко выходящее за рамки профессии, и сливается с образом жизни.

«Повторение» («Wiederholung») – не просто травелог. В значительной мере это роман о становлении писателя, о пересечении «порога», разделяющего немоту и речь, пустоту и нечто, «написанное пером». Текст обладает отчетливыми автобиографическими чертами. Некоторые критики включают его в «трилогию порога» («trilogy of thresholds») [Mitchelmore, 2011], объединяя с более ранними «Китайскими страданиями» («Der Chinese des Schmerzes», 1983) и последовавшим вскоре за «Повторением» «Вечером писателя» («Nachmittag des Schriftstellers», 1987).

Отказавшись от намерения отслеживать «шаг за шагом процесс дистанцирования Петера Хандке от критики», а заодно и давать описание «психологии и социологии видов, паразитирующих на литературе» [Sebald, 1995, S. 164], Зебальд сосредоточивается на том, что значит писательство для Хандке и как это отражается на его способах рассказывать истории. В частности, историю protagonista Филипа Кобаля, отправившегося на родину предков, в Словению, в поисках давно пропавшего брата, и параллельно – историю его становления писателем.

Структура повествования в «Повторении» наводит на мысль, что требуется вовсе не «повторить» (wiederholen) путь пропавшего брата или свой собственный путь четвертьвековой давности (sich wiederholen). Точное повторение невозможно (и это постоянно демонстрирует сама словесная ткань и сюжетная канва текста Хандке: все повторяется, однако не в точности, а с определенными значимыми различиями [Iyer, 2006]). Речь (даже семантически) идет скорее о новом начале: wieder–holen (вновь – добыть): о том, чтобы начать себя заново (sich wieder holen), считает Л. Айер. Формируя собственную художественную манеру, Зебальд, несомненно, многое перенявший у Хандке [Schmucker, 2012], «присвоил», в

частности, его «неточные» повторения как один из принципов организации текста.

Но не только. С поисками брата у Хандке В.Г. Зебальд ассоциирует мотив мессианства: подобно тому, как прочитывает его у Кафки в продвижениях К. к недостижимому Замку (см. эссе «Das unentdeckte Land – Zur Motivstruktur in Kafkas *Schloss*»: [Sebald, 1995, S. 78–92]). В «Повторении» речь идет и о поисках славянских – словенских – корней. Словенский народ представлен не имеющим власти – «без аристократии, без маршей, без поместий» (пер. по: [Handke, 1986, S. 201]) – и потому неиспорченным. «Единственным королем они – почти как евреи – признают героя сказаний, который бродит повсюду переодетым: появится где-нибудь вдруг и исчезнет вновь» [Sebald, 1995, S. 174]. В мессианской традиции отнюдь не подразумевается, что «разделенные» встретятся вновь. Напротив, напряжение должно сохраняться, и «младший идет по следам старшего, ученик следует за учителем, а благочестивое стремление к спасению и высказанная Грегором в одном из фронтовых писем надежда на грядущую совместную поездку в украшенной пасхальной коляске в девятую землю, переводится в “земное исполнение: Писание”» [Handke, 1986, S. 317]. Иными словами, письменное слово в этой традиции имеет особый статус, писательство выводится за рамки обыденных дел – это отнюдь не профанное занятие. «Рассказчик с самого начала отдает себе отчет в сложности стоящей перед ним задачи» [Sebald, 1995, S. 175], но, чтобы преодолеть «невозможность писать», ему необходим стимул. В тексте Хандке стимулом служит болезнь матери, боязнь не успеть, и значит, главной задачей писательства, заключает В.Г. Зебальд, видится утешение, успокоение, «утоление печали» [ibid.].

В.Г. Зебальд неоднократно отмечает «необычайно высокое качество повествования, тайный идеал которого», как ему кажется, «диктуется легкостью» [ibid., S. 176]. Не в том смысле, что рассказчик ничем не обременен. Просто вместо того, чтобы говорить о гнетущем, он старается перенаправить внимание на приносящее утешение – как ему самому, так и, возможно, читателю, тоже нуждающемуся в чем-то подобном для того, чтобы «противостоять соблазнам уныния» [ibid., S. 177]. Идеал, на который ориентируется Филип Кобаль в своем писательском труде – «обходчик путей». Тот, кому община вменяет в обязанность «техническое обслуживание» [ibid.] имеющихся в ее распоряжении дорог, и кто,

подобно писателю, «теснится в однокомнатной избе – своего рода сторожке у въезда в замок, которого, в принципе, не существует» [Handke, 1986, S. 49]. «Обходчик путей» день за днем, подобно секретарю (аллюзия на Кафку), совершает утомительную работу, по необходимости превращаясь в «художника по вывескам, который стоял на верхней ступеньке лестницы над входом в гостиницу посреди деревни. И когда Филип Кобаль, смотрел на него, наблюдая, как по готовым буквам он медленными, на первый взгляд, мазками кисти накладывает теневые штрихи, несколькими тончайшими линиями придавая объем толстым буквам и проявляя словно из воздуха следующий знак – как будто бывший там уже очень давно» [Sebald, 1995, S. 177], в возникавшей на глазах надписи высвечивались «символы какого-то тайного, не выразимого словами и оттого особенно прекрасного, а главное, не знающего границ мирового царства» (пер. по: [Handke, 1986, S. 50]). В этом образе «необходимая связь» между «тяжестью принудительного труда и легкостью волшебства», характерная для писательского дела, «получила самое прекрасное в немецкоязычной словесности выражение» [ibid.].

Другой важной для Хандке особенностью писательского труда Зебальд называет его «добровольность». Рассказчик на пути к совершенству работает по собственной воле, его труд опирается на видение окружающего мира таким как есть, – в противоположность другим видам искусства, предполагающим взгляд на ландшафт (внешний мир) через некую (ограничивающую) «раму». Получается, что для повествования гораздо важнее внешнее, чем внутреннее, – из чего, по Зебальду, произрастает «беспрецедентная открытость» [ibid.] текста Хандке.

Место писателя в «Повторении» непосредственно соотнесено с образом убежища из детства Филипа: это отцовская землянка на поле, куда Филип нередко шел сразу после школы и где писал (делал уроки). Именно оно для него «было и остается “центром мира, где в колодезно-узкой ложбине с незапамятных времен сидит рассказчик и откуда ведет свой рассказ”» [Handke, 1986, S. 289].

О раннем, более понятном для критиков [Sebald, 1995, S. 162], творчестве Хандке, В.Г. Зебальд писал в сборнике «Описание несчастья» [Sebald, 1994]. Эссе «Под зеркалом воды...» [Sebald, 1994, S. 115–130] сосредоточено на осмыслении языковых возможностей и границ в «Страхе вратаря перед одиннадцатиметровым», но и в

других «австрийских эссе» Петер Хандке (наряду с Адальбертом Штифтером) дает Зебальду опору для выстраивания литературной панорамы «австрийского несчастья».

Опора на Хандке особенно важна Зебальду при анализе «апокалипсических ракурсов» – в эссе «Образы, светлые и темные. О диалектике эсхатологии у Штифтера и у Хандке», тематически перекликающемся с текстом о Томасе Бернхарде («Где тьма натягивает вожжи»: [Sebald, 1994, S. 103–114]). В основаниях мировоззрения Бернхарда [ibid., S. 103–104], как и в истоках «диалектики эсхатологии» Хандке [ibid.] обнаруживается «гностицизм современности» («Gnostizismus der Moderne») [Schmucker, 2012, S. 521, 554]). Обращаясь к двум романам Хандке «Медленное возвращение домой» (1979) и «Учение горы Сент-Виктуар» (1980), Зебальд предъявляет проявления в них «гностических воззрений», включая глубокий пессимизм по отношению к социуму и его способности привести человечество к «спасению». Пессимизм выражается также по отношению к возможностям языка и языкового самовыражения, а характерный для многих австрийских писателей «языковой скепсис» (недоверие по отношению к языку, восходящее, в частности, к венскому «кризису рационалистического сознания» начала XX в. и Людвигу Витгенштейну [Жеребин, 2004]) выступает одним из сущностных его проявлений.

«Медленное возвращение домой» (1979) – еще одна попытка П. Хандке осмыслить состояние «нарушенной коммуникации». На этот раз протагонист Зоргер признается в какой-то момент, что чувствует себя «покинутым не только языком, но самой способностью издавать звуки» [Handke, 1979, S. 98] и терапия, назначенная им самому себе, состоит в том, чтобы «как можно более точно, по возможности, избегая схематизации и пропусков, обыденных в его науке, шаг за шагом» отображать все, с чем довелось столкнуться, дабы он «хотя бы себе самому, с чистой совестью мог подтвердить факт собственного присутствия» [ibid., S. 46].

Механизм создания литературного произведения для успокоения собственной совести, к которому апеллирует здесь Хандке, созвучен репортажной фотографии [Sebald, 1994, S. 176]: у Сьюзен Зонтаг [Sonntag, 1979] выражена мысль о том, что путешествие (очень характерная для героев Хандке форма взаимодействия с миром) в значительной мере превратилось в «стратегию накопления фотографий, предпочитаемую, прежде всего, этносами, деформиро-

ванными строжайшей трудовой этикой – американцами, немцами и японцами» [Sonntag, 1979, S. 10]. Зебальд видит решающее различие между писательским методом и фотографией в том, что фиксация на память, каковой является фотография, способствует забыванию (фотография увековечивает процесс разрушения), в то время как описанные образы «в исчезновении схваченного мира обладают жизнью в будущем и остаются документами жизни сознания, которому предназначено осуществление продолжения жизни» [Sebald, 1994, S. 178].

Гностическое, «теологическое восприятие истории природы и человека» и «продолжающееся через них вовне вытеснение тьмы» [ibid] совпадает для Хандке с идеалом писательского труда и остается «двигателем» процесса повествования. Искажения, конечно, имеют место, но искажение понимается не как повод для обвинений, а как «идея спасения», нашедшая выражение в «утешительной картине»: «...история человечества скоро закончится. Гармонично, без ужасов» [Handke, 1979, S. 99]. А до тех пор – в практике писательства.

Писатель и его труд образуют смысловой центр эссе о «Страхе вратаря перед одиннадцатиметровым» [Sebald, 1994]: в фокусе внимания Зебальда (вслед за Хандке) – снова «граница». Граница между психической нормой и патологией, одобряемым и асоциальным поведением, речью и немотой, естественной и искаженной коммуникацией. Сама коммуникация также представляет собой движение через «границу» (Я – Другой).

По Зебальду, Хандке, возможно, впервые осуществил попытку осознать момент перехода «между нормальным и патологическим поведением» [ibid., S. 115], остававшийся недоступным для «коллективного осознания», поскольку «именно в этой, решающей, точке научное описание истории болезни вынужденно опирается на показания не заслуживающих доверия свидетелей – членов семьи или представителей общественного порядка» [ibid., 1994]. В такой «пороговой» точке и сосредоточено повествование о вратаре, оставшемся после «социальной травмы» (пропущенного «без сопротивления» пенальти) наедине с собственными фобиями и постепенно утратившем уверенность также и в своих коммуникативных компетенциях.

Сюжет повести довольно прост и понятен русскому читателю. Протагонист Йозеф Блох бесцельно бродит по городу (Вене), зна-

комится с кассиршей кинотеатра, остается у нее на ночь, затем по пустячному поводу душит ее, ударяется в бега и, осев в небольшом городке, большую часть повествования пребывает в подспудном ожидании ареста.

Как и один из несомненных претекстов – «Преступление и наказание», «Страх вратаря...» не детектив: тайны нет. С самого начала известно, кто, когда и как совершил преступление. В центре внимания – психоэмоциональное состояние ожидающего поимки убийцы. Протагонист повести убийца кассирши Йозеф Блох – бывший вратарь местечковой команды, однажды пропустивший пенальти. Причем, как явствует из обрывочных воспоминаний, сам он в это время стоял совершенно неподвижно, глядя, как мяч летит мимо него в сетку, пересекая линию ворот. Эпиграфом к повести выбрана фраза «Вратарь смотрел, как мяч пересек линию...». И речь в повести действительно идет прежде всего о пересечении некой границы – границы закона (человеческого, высшего), границы между людьми (коммуникация), границы между нормой и патологией.

Повествование ведется от третьего лица и бесстрастно регистрирует действия и впечатления Йозефа Блоха на протяжении нескольких дней – регистрирует с исчерпывающей полнотой, наводящей на мысль о каталогизации без какого бы то ни было композиционного отбора. Отметим, что отечественный исследователь Г.В. Кучумова из Самары называет каталогизацию одной из характеристических черт современного немецкоязычного «романа о художнике» [Кучумова, 2019]. Заостряется проблема соотношения действительности и ее интерпретации через призму искажений, обусловленных как спецификой нервно-психического состояния человека на «границе» (в «пороговом состоянии» [Рымарь, 2016]), так и характерным для австрийских писателей «недоверием к языку».

Отсылки к Витгенштейну Зебальд замечает в повести повсюду: «Хандке, с аналитической точностью следующему австрийской традиции языкового скепсиса, в особенности Людвигу Витгенштейну, через “патологическую” дезинтеграцию языковых компетенций протагониста удастся продемонстрировать, что язык как отдельное измерение нигде не может выйти за пределы реальности, а может лишь как-то кружить, оставаясь внутри нее» [Sebald, 1994, S. 122]. Кружить, подобно человеческому мышлению, «связанному в узлы», «наложившему на себя оковы, путы, гордые-

вы узлы языка, – но именно языка, а не реальности», как говорил С. Лем [цит. по: Sebald, 1994, S. 122]. В таких координатах работал со словом Петер Хандке, и это очень хорошо понял Зебальд – не случайно «святым покровителем» его литературной вселенной называют Людвига Витгенштейна [Possnock, 2010], а подобные ракурсы восприятия ему самому чрезвычайно близки.

В состоянии паники потребность «воспринимать как можно меньше» выходит на передний план, всякое восприятие становится «насиловственным» [Sebald, 1994, S. 118]. Любое сказанное слово, взывающее к восприятию, может быть воспринято субъектом как агрессия, и реакцией станет «ответная» агрессия, для внешнего наблюдателя ничем не мотивированная. Похоже, еще в 1970 г., в «Страхе вратаря перед одиннадцатиметровым», Хандке удалось выявить и показать связь состояния паники с коммуникативными нарушениями (не так уж давно обнаруженную психологами и теоретиками травмы) [ibid.].

Но Хандке идет даже дальше и показывает «двустороннее» нарушение коммуникации: сказанное человеком в состоянии паники не может быть понято другими. Этот вопрос – о том, «как так получается, что речь субъекта с выраженной тенденцией к центрированию на собственных ощущениях даже при условии совершенной правильной семантической и синтаксической артикуляции перестает “восприниматься” адресатами» [ibid., S. 120], – Зебальд относит к области психолингвистики, относительно новой и недостаточно разработанной, которой пока мало что об этом известно, как и о механизмах распада родного языка в чужой языковой среде. Установлено, однако, сообщает далее Зебальд, что у тех, кто в течение длительного времени пребывал в условиях нарушенного социального поведения, языковые навыки начинают утрачиваться, совершается все больше коммуникативных ошибок. «Перед обаятым паникой внутренним взором», который «каждый раз перед тем, как произнести что-нибудь вслух, фокусируется на ненамеренно вызванных означаемых», связанных с переживаемым состоянием, «облик слов изменяется», словно указывая «на собственную жизнь языка, чем только усиливает неуверенность говорящего субъекта» [ibid., 1994].

Проблема «нарушений коммуникации» в связи со «сдвигом» относительно социальных и психических норм и границ, остается центральной в повести о бывшем вратаре. «Внутренний взор»

Йозефа Блоха неотрывно и пристально следит за ходом собственной коммуникации, фиксируя неудачи и подталкивая к усилиям по поддержанию «видимости нормы».

Поначалу он склонен приписывать свойство нарушения коммуникации собеседнику. Однако убийство кассирши, совершенное в ответ на воображаемое, «коммуникативное» насилие с ее стороны («Блох скоро заметил, что она разглагольствует о вещах, о которых он только что ей рассказывал, будто о своих собственных» [Хандке, 2000, с. 22], перенаправляет его внимание на собственные способы выражения мыслей: «...Блох же, напротив, называя чье-либо имя, всякий раз пояснял, о ком идет речь. Даже упоминая какие-либо вещи, он их описывал, чтобы было понятно», однако «чем дольше он говорил, тем более неестественным представлялось Блоху то, что он говорит. Постепенно ему стало казаться, будто каждое слово требует пояснения» [там же, с. 66]. Он начинает подзревать, что корень непонимания, возможно, внутри него: «Продавщица, которая его не поняла, потому что посреди фразы ему стало противно говорить и конец он промямлил, засмеялась, словно и ждала в ответ шутки» [там же, с. 87]. Ему приходит в голову, что те искажения в коммуникации, которые он замечает у себя и приписывает другим, возможно, связаны с ситуацией, в которой он находится – постоянного страха разоблачения: «Ему следует остерегаться слов, которые превращают то, что он хочет сказать, в своего рода показания» [там же, 2000, с. 89].

Заметив связь между своим состоянием и искажениями способности к взаимопониманию с другими людьми, включая интерпретацию чужой речи, Йозеф Блох, пристально следит за тем, как слова появляются у него в голове: («С чего ему пришло в голову это выражение? Оно показалось ему ироническим и каким-то неприятным. Но разве другие слова в этой фразе не были столь же неприятны?» [там же, 2000, с. 92]. И по мере того, как болезненное состояние нарастает, внешняя коммуникация становится почти невозможной – слишком много искажений, связанных с накопленным негативным эмоциональным опытом («То, что он воспринимал, движения и предметы, напоминало ему не другие движения и предметы, а ощущения и чувства; и о чувствах он не вспоминал как о чем-то прошлом, а переживал их заново, как сиюминутные, он не вспоминал о стыде и отвращении, а стыдился и испытывал отвращение сейчас, когда вспоминал, хотя и не мог припомнить,

что послужило поводом для стыда и отвращения. Отвращение и стыд вместе были так сильны, что все тело у него начало зудеть» [Хандке, 2000, с. 109–110]. Психика протагониста не выдерживает: постепенно переключается с неосуществимой внешней коммуникации на внутреннюю – со словами в собственной голове (за которыми он тоже пытается следить), непосредственно с языком (вне носителей), постепенно заполнившим все, ставшим единственной реальностью: «Буквально все, что он видел, кричало. Окружающие картины не казались естественными, а будто специально были сделаны для кого-то. Они чему-то служили. Взглянешь на них, а они буквально лезут тебе в глаза. “Как восклицательные знаки”, – подумал Блох. Как приказы!» [там же, с. 97].

Обращение внимания внутрь, к собственной психической деятельности, способам мышления, выбора слов, приводит к временному изменению состояния протагониста. Крайняя усталость порождает что-то подобное просветлению: «Он видел и слышал все непосредственно, не переводил, как раньше, все в слова и не воспринимал все лишь как слова или игру слов. Он был в таком состоянии, когда все представлялось ему обыкновенным» [там же, с. 105]. Но ненадолго: нарастающая тревога, порождая все новые коммуникативные нарушения, ими же постоянно усиливается, подталкивая его ко все более искаженным интерпретациям окружающей действительности, и утративший равновесие протагонист с нарастающей скоростью необратимо «выпадает» из совместимых с нормой диапазонов. Если бы мышление субъекта и вправду могло порождать в какой-то степени окружающую его реальность, то повесть о «Страхе вратаря...» Петера Хандке следовало бы читать как художественный текст, воплощающий именно такое представление.

Тем более оправданной кажется выраженная более 35 лет назад убежденность В.Г. Зебальда в том, что Петер Хандке намного опередил время (включая науку), как минимум, в понимании аспектов человеческой психики, связанных с коммуникативными компетенциями в «пороговых» (травматических) состояниях. И формулировка Нобелевского комитета, в 2019 г. присудившего этому писателю самую престижную в мире премию «За авторитетные труды, с лингвистической изобретательностью исследую-

шие пограничные и специфические области человеческого опыта»¹, представляется более чем обоснованной.

Список литературы

- Белобратов А.В., Волчек Д. Записки очарованного грибника. Нобелевский лауреат Петер Хандке : интервью с А.В. Белобратовым // Радио свобода. – 2019. – 10.10. – URL: <https://www.svoboda.org/a/30209873.html> (дата обращения: 30.10.2019).
- Визель М., Прохорова Л. Почему в 2018 г. не стали вручать Нобелевскую премию по литературе // Российская газета. – Москва, 2018. – 4.10. – URL: <https://rg.ru/2018/10/04/pochemu-v-2018-godu-ne-stali-vruchat-nobelevskuiu-premiyu-po-literature.html> (дата обращения 30.10.2019).
- Жеребин А.И. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской перспективе. – Санкт-Петербург : Мирь: ИД СПбГУ, 2004. – 304 с.
- Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман рубежа XX–XXI вв.: проблема Другого. – Самара : САМАРАМА, 2019. – 216 с.
- Рымарь Н.Т. Поэтика границы в литературе : эстетические и поэтологические аспекты границы как феномена художественного языка. – Siedlce : Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. – 334 с. – (Wydawca IKRiBL. Slavica sedlensis. Opuscula; T. 9).
- Соколова Е.В. «Диалог невозможен...»: коммуникативная проблематика в современной литературе Германии (Б. Шлинк, М. Байер, К. Хакер, В. Генацино, К. Крахт). – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – 128 с.
- Хандке П. Страх вратаря перед одиннадцатиметровым. Повести. – Санкт-Петербург : Амфора, 2000. – 414 с.
- Gladić M. Handke reiste mit Luhmann im Gepäck // Der Freitag. Die Wochenzeitung. – Berlin, 2019. – N 44, 30.10. – S. 16. – URL: <https://www.freitag.de/autoren/mladen-gladic/im-offenen> (дата обращения: 30.10.2019).
- Iyer L. The ninth country : Peter Handke's Repetition // ReadySteadyBook for literature. – 2006. – URL: http://www.readysteadybook.com/Article_page_exphandke.html (дата обращения: 30.10.2019).
- Hammelehle S., Markwaldt N. Wie ein falsches Handke-Zitat um die Welt ging // Spiegel. – Hamburg, 2019. – N 43, 19.10. – S. 116.
- Handke P. Die Wiederholung. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1986. – 322 S.
- Handke P. Langsame Heimkehr. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1979. – 140 S.
- Handke P. Eine Reise zu den Flüssen Donau, Save, Morawe und Drina oder Gerechtigkeit zu Serbien. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1996 a. – 136 S.
- Handke P. Sommerlicher Nachtrag zu einer winterlichen Reise. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1996 b. – 92 S.

¹ «For an influential work that with linguistic ingenuity has explored the periphery and the specificity of human experience» [Peter Handke receives..., 2019].

- Klaube J.* Handke // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Frankfurt a.M., 2019. – N 243, 19.10. – S. 1.
- Mann gegen Mann* (Der Buchpreisträger Saša Stanišić wifrt dem Nobelpreisträger Peter Handke vor, den Völkermord auf Balkan relativiert zu haben) // Spiegel. – Hamburg, 2019. – N 43, 19.10. – S. 114–118.
- Mitchelmore S.* Three steps not beyond : Peter Handke's trilogy of thresholds // This-space blog. – 2011. – 25.05. – URL: http://this-space.blogspot.com/2011/05/three-steps-not-beyond-peter-handkes_25.html (date of access: 22.03.2020).
- Mitchelmore S.* Across the Border : WG Sebald writes about Peter Handke // The Space. – 2013. – 8.03. – URL: <http://this-space.blogspot.com/2013/03/across-border-wg-sebald-writes-about.html> (date of access: 1.04.2020).
- Peter Handke receives Nobel Literature prize // BBC News. – 2019. – 10.12. – URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-50730048> (date of access: 1.04.2020).
- Possnock R.* «Don't think, but look!»: W.G. Sebald, Wittgenstein and cosmopolitan poverty // Representations. – Oakland : Univ. of California, 2010. – N 112. – P. 112–139.
- Saturn's Moon : W.G. Sebald – a handbook / Ed. by Catling J., Hibbitt R. – Leads : Legenda, 2011. – 677 p.
- Schmucker P.* Grenzübertretungen. Intertextualität im Werk von W.G. Sebald. – Berlin; Boston, Mass. : De Gruyter, 2012. – IX, 600 S.
- Sebald W.G.* Campo Santo. – L. : Penguin, 2006. – 240 p. – (Modern library).
- Sebald W.G.* Die Beschreibung des Unglücks : Zur österreichischen Literatur. Von Stifter bis Handke. – Frankfurt a.M. : Fischer, 1994. – 200 S. – (1. Aufl. – Salzburg ; Wien : Residenz, 1985).
- Sebald W.G.* Unheimliche Heimat : Essays zur österreichischen Literatur. – Frankfurt a.M. : Fischer, 1995. – 195 S. – (1. Aufl. – Salzburg ; Wien : Residenz, 1991).
- Sonntag S.* On photography. – Harmondsworth : Penguin, 1979. – 224 p.

References

- Belobratov, A.V., & Volchek, D. (2019). *Zapiski ocharobannogo gribnika. Nobelevskij laureate Peter Handke: Interviyu c A.V. Belobratovym*. Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/30209873.html>
- Vizel, M., & Prohorova, L. (2018, October 4). Pochemu v 2018 g. ne stali vruchat' Nobelevskuyu premiyu po literature. *Rossijskaja gazeta*. Retrieved from <https://rg.ru/2018/10/04/pochemu-v-2018-godu-ne-stali-vruchat-nobelevskuiu-premiyu-po-literature.html>
- Zherebin, A.I. (2004). *Vertikalnaya liniya. Filosofskaya prosa Avstrii v russkoy perspekyive*. Sankt-Petersburg: MIR.
- Kuchumova, G.V. (2019). *Nemetskoyazychnyy roman rubezha 20–21 vekov: Problema Drugogo*. Samara: Samarama.
- Rymar', N.T. (2016). *Poetika granitsy v literature: Esteticheskiye i poetologicheskiye aspekty granitsy kak fenomena chudozhestvennogo yazyka*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach.

- Sokolova, E.V. (2008). "Dialog nevozmozen...": *Kommunikativnaya problematika v sovremennoy literature Germanii* (B. Schlink, K. Kracht, K. Haker, W. Genazino, K. Kracht). Moskva: INION RAN.
- Handke, P. (2000). *Strah vratarja pred odinnadtsatimetrovym. Povesti*. Sankt-Peterburg: Amfora.
- Gladić, M. (2019, October 30). Handke reiste mit Luhmann im Gepäck. *Der Freitag*, (44), 16. Retrieved from <https://www.freitag.de/autoren/mladen-gladic/im-offenen>
- Iyer, L. (2006). The Ninth Country: Peter Handke's Repetition. Retrieved from http://www.readysteadybook.com/Article_page_exphandke.html
- Hammelehle, S., Markwaldt, N. (2019). Wie ein falsches Handke-Zitat um die Welt ging. *Spiegel*, (43), 116.
- Handke, P. (1986). *Die Wiederholung*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Handke, P. (1979). *Langsame Heimkehr*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Handke, P. (1996 a). *Eine Reise zu den Flüssen Donau, Save, Morawe und Drina oder Gerechtigkeit zu Serbien*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Handke, P. (1996 b). *Sommerlicher Nachtrag zu einer winterlichen Reise*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Klaube, J. (2019). Handke. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, (243), 1.
- Mann gegen Mann. (2019). *Spiegel*, (43), 114–118.
- Mitchelmore, S. (2011). Three steps not beyond: Peter Handke's trilogy of thresholds. Retrieved from http://this-space.blogspot.com/2011/05/three-steps-not-beyond-peter-handkes_25.html
- Mitchelmore, S. (2013). Across the Border: WG Sebald writes about Peter Handke. Retrieved from <http://this-space.blogspot.com/2013/03/across-border-wg-sebald-writes-about.html>
- BBC. (2019, December 10). Peter Handke receives Nobel Literature prize. Retrieved from <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-50730048>
- Possnock, R. "Don't think, but look!": W.G. Sebald, Wittgenstein and Cosmopolitan Poverty. *Representations*, (112), 112–139.
- Catling, J., & Hibbitt, R. (Eds.). (2011). *Saturn's Moon: W.G. Sebald – a Handbook*. Leads: Legenda.
- Schmucker, P. (2012). *Grenzübertretungen. Intertextualität im Werk von W.G. Sebald*. Berlin; Boston, Mass.: De Gruyter.
- Sebald, W.G. (2006). *Campo Santo*. London: Penguin.
- Sebald, W.G. (1994). *Die Beschreibung des Unglücks: Zur österreichischen Literatur. Von Stifter bis Handke*. Frankfurt a.M.: Fischer.
- Sebald, W.G. (1995). *Unheimliche Heimat: Essays zur österreichischen Literatur*. Frankfurt a. M.: Fischer.
- Sonntag, S. (1979). *On Photography*. Harmondsworth: Penguin.